

«- Пожалуй, это еще не конец, как-то все слишком убого и неполно,»

С Достовалов «Репетиция»

Олег Сенатов

Черная дыра

Астахов и раньше замечал, что в протекании его жизни происходят какие-то медленные, но важные перемены, но они стали особенно заметны после того, как он был бесцеремонно вышвырнут с предприятия, на котором прошла вся активная часть его жизни. Сначала казалось совершенно естественным, что его память не сохраняет почти ничего из нынешнего времени, будучи погруженной в события, которые предшествовали его изгнанию из института – ведь там кипела живая жизнь, связанная с большим объемлющим его миром, а Астахов ныне довольствовался ее эрзацем, тратил свое время и энергию впустую, занимая себя обдумыванием внутренней и мировой политики, в которой ничто от его мнения не зависело, чтением разнообразной литературы, расширявшей его кругозор, который было негде использовать, ознакомлением с современным искусством, приверженность к которому все больше его маргинализировало. Неудивительно, что вся эта его нынешняя «деятельность», лишенная конкретных целей, не могла оставить в памяти таких же следов, как востребованная обществом работа.

Тем не менее, со временем он начал замечать, что память о последних годах, проведенных в институте, тоже начинает размываться, что он уже забыл фамилии некоторых сослуживцев, что начал путаться в подробностях институтских дел, в которые когда-то был страстно вовлечен, что, подчас, не мог вспомнить даже некоторые технические понятия, которые были раньше повседневным инструментарием его профессии. И Астахов понял, что зона забвения расширяется, уже не различая характера стираемого ею материала. Сначала он находил утешение в том, что, несмотря на размывание памяти о последних годах работы, когда его перевели на вспомогательные роли, годы его расцвета, когда он был руководителем крупнейшей темы, по-прежнему Монбланом сверкали в его памяти, - это могло свидетельствовать о том, что память сохраняет только значительное, а ненужная мелочь безжалостно стирается – и, слава Богу! Но когда он принялся за мемуары о тех славных годах, то за сверкающим фасадом обнаружил зияющие лакуны, а под пристальным взглядом все здание зашаталось и рассыпалось, оставив в его руках какие-то жалкие остатки воспоминаний.

И Астахову стало страшно: ему показалось, что он стоит в центре равнины, окруженный зоной стремительного опустошения, куда с периферии его памяти вбегают, чтобы навсегда в ней исчезнуть, воспоминания обо все более отдаленных временах. Пока что он еще мог ностальгически погружаться в годы, когда начиналась его карьера. Нужно было что-то срочно предпринимать. И Астахову пришла в голову такая идея: в ближней памяти нужно возвести защитный барьер против забвения, заполняя пустоту самым качественным материалом.

В центр деятельности Астахова был поставлен план. День был расписан по часам.

6.00 Подъем

6.00 – 6.30 Душ, завтрак

6.30 – 8.00 Чтение литературы по списку №1

Список №1 включал, например, книги: Уильям Мак-Нил «Восхождение Запада»; Дуглас Норт «Насилие и социальные порядки»; Борис Гройс «Политика Поэтики»; Славой Жижек «Чума фантазий»; Фридрих Ницше «Черновики и наброски»; Сьюзен Сонтаг «О

фотографии»; Жак Деррида «Поля философии», Фредерик Джеймисон «О культурной логике позднего капитализма», и т.п.

8.00 – 10.00 Чтение литературы по списку № 2

В список № 2 входила литература на немецком языке, например: Франц Кафка «Процесс» и «Замок»; Йозеф Рот «Могила в церкви Капуцинов», Томас Манн «Волшебная гора».

10.00 – 12.00 Чтение газеты, просмотр новостей в Интернете.

12.00 – 12.30 Обед

12.30 – 13.00 Составление плана на текущий день.

13.00 – 20.00 В этом временном интервале проводились следующие мероприятия:

- Просмотр артхаусных фильмов по списку, например: Эрих Зайдль «Рай. Вера», «Рай. Надежда», «Рай. Любовь»; Федорченко «Небесные жены луговых мари»; Ким Ки Дук «Пьета»; Вим Вендерс «Пина. Танцующие мечты»; Питер Гринуэй «Гольциус и пеликанья компания»; Кира Муратова «Вечное возвращение»; Сигарев «Жить», и т. п.

- Посещение выставок современного искусства, например: Ребекки Хорн, Марины Абрамович, Георгия Пузенкова, Леонида Тишкова, и многих других, не говоря уже о просмотре московских Биеннале.

Составление кратких комментариев увиденного и прочитанного.

План формировался очень жестко, без промежутков. Для чтения в транспорте были составлены списки № 4 и № 5.

Список № 4 - литература на английском языке, например: Босуэлл «Жизнь Сэмуэла Джонсона»; Томас Кэхилл «Тайны Средних веков»; Кингсли Эмис «Выбирай девушку себе под стать»; Элиа Казан «Соглашение» и т. п.

Список № 5 – литература на французском языке, например: Шарль Пеги «Полное собрание поэзии»; Альбер Камю «Падение» Жан Жироуду «Пьесы».

20.00 – 21.30 Ужин, вечерние телевизионные новости.

21.30 – 00.00 Чтение литературы по списку № 6 – на итальянском языке, например: Джованни Спадаolini «Годы больших перемен»; Габриэле д'Аннунцио «Ноктюрн»; Данте Алигьери «Ад»; Луиджи Пиранделло Новеллы.

Теперь жизнь Астахова обрела смысл: нужно было до предела использовать невосполнимый ресурс: астрономическое время. План не только подлежал неукоснительному выполнению – его было желательно перевыполнить, вбив в каждый образовавшийся промежуток посещение какой-нибудь дополнительной художественной выставки, срок экспонирования которой истекал, или посмотреть незапланированный фильм, на который вышла положительная рецензия от уважаемого критика.

Астахов постоянно находился в состоянии умственного и нервного напряжения, которое создавало у него иллюзию продуктивного умственного труда, и отвлекало от панических мыслей, но, когда он пытался оценить, удастся ли ему выполнить главную цель – заполнить пустоту ближней памяти, то малость результата не могла не разочаровать: почти все, что он прочитывал, смотрел в кино или на выставках, очень быстро и бесследно забывалось.

Так, уже через год после прочтения какой-нибудь книги он не только не помнил ее содержания, но даже сам факт ее прочтения устанавливал, исходя из наличия своих карандашных пометок на полях. Из множества просмотренных фильмов в мозгу застревают только отдельные безымянные фрагменты, которые, блуждая по его памяти, беспорядочно совокупаются друг с другом, что порождает немыслимую путаницу. Если зрительные образы произведений искусства благодаря зрительной памяти еще как-то сохранялись, то имена их создателей забывались напрочь.

Со временем ситуация все ухудшалась. Астахову пришлось отказаться от больших романов, так как, заканчивая его чтение, он уже не помнил, что было в начале.

Если раньше, забыв какое-нибудь слово, и дав памяти задание на его поиск, он получал ответ через десять минут, то теперь ответ приходил лишь на следующий день.

Когда Астахов бросал взгляд на передний край обороны долговременной памяти, то и там обнаруживал значительные подвижки: вместо первых лет профессиональной деятельности в зону ускоренного забвения теперь вступали его студенческие годы. Переместиться в них можно было без труда: по дороге ничто им больше не мешало. Теперь Астахов в своих воспоминаниях уже не бился над карьерой, а жил беззаботной студенческой жизнью, перемежавшейся более или менее удачными сессиями, участвовал в веселых пирушках, ухаживал за девушками, занимался парусным спортом.

Это была не худшая часть его биографии, но когда к линии фронта придвинулась угрюмая школьная пора, Астахов опять запаниковал. Он решил еще «наддать жару». Чтобы увеличить скорость загрузки, Астахов обратился к методикам быстрого чтения: окинув страницу общим оценивающим взглядом, он старался найти в тексте узловые точки, и читать вокруг них, то удаляясь, то приближаясь вдоль строк. Схожую методику он стал применять и на выставках. Придя в выставочный зал, он сначала быстро обегал экспозицию, наметанным взглядом выхватывая самые интересные артефакты, и затем ограничивал себя подробным знакомством только с ними. План стал выполняться быстрее, умственное напряжение выросло, что было совсем неплохо, так как отвлекало от навалившихся воспоминаний о тяготе школьных будней, о жалком положении физически слабого ребенка, которого не бьет только ленивый.

Но никакая спешка, никакая интенсивность занятий не помогала в главном: слепое пятно, в котором помещался Астахов, продолжало беспощадно уничтожать долговременную память, и вот его край уже добрался до детства. Конечно, там было много ярких, счастливых минут, но из него на Астахова наезжал огромный и мрачный шестиэтажный дом в Малом Козихинском переулке, где прошло детство Астахова. Его стена выражала жесткую непреклонность мира, круто взмывая вверх под взглядом Астахова – ребенка, когда, стоя на тротуаре, он, задрвав голову, старался увидеть окно комнаты на шестом этаже, где он жил, которое было отмечено выставленной через форточку жестяной трубой печки-буржуйки.

Если войти внутрь дома, в нем обнаруживалась гулкая лестничная клетка, освещенная слабым наружным светом, проникшим через расположенный на крыше остекленный фонарь, по которой Астахов некогда бежал вниз с каким-то слабым, жалким криком: «Скорей! Скорей!», чтобы призвать людей на помощь родителям, с которыми вступили в драку соседи по коммунальной квартире; там наверху лестницы была входная дверь с белой эмалированной накладкой, на которой стояла цифра «22». За дверью чернел коридор, в котором первая дверь направо вела в комнату, где жила семья Астахова; в ней были два окна, крест-накрест заклеенные бумажными лентами, над которыми были подвешены рулоны плотной черной бумаги – занавеси светомаскировки; там был украшенный лепниной потолок с разноцветными разводами от весенних протечек крыши, а к дверной раме был прикреплен черный репродуктор, вещавший: «Передаем сводку Советского информбюро».

Астахов понял, что никакое чтение ему уже не поможет, когда услышал ласковый голос матери: «Сыночек, кушай кашку! Съешь эту ложечку за маму!»

Февраль 2014

Тосик

Дневник моей матери

Олег Сенатов

Передо мной – небольшая, с картонным переплетом, тетрадь в линейку. Черный матерчатый корешок, такие же уголки. Поверх картона наклеен гладкий лист коричневой бумаги с орнаментом в виде разноцветной путанки. На расположенной внизу небольшой белой наклейке тушью от руки выведено: «Дневник Моргуновой Тосика от 17 до 18 лет 1930 год». Открываю тетрадь. Пожелтевшие страницы исписаны аккуратным детским почерком фиолетовыми чернилами.

«У меня новая тетрадь для дневника: старая уже закончилась.

25.07 уехала из Севастополя в Симферополь... Яшка провожать не пришел, я не знаю, чем это объяснить; в худшем случае он мою, отправленную в его учебный отряд открытку получил, и просто решил не приходить... С нами в одном вагоне ехал один чудак, интересный блондин, мы с ним познакомились - его зовут Борис. Во время остановки в Альме мы с ним вместе вышли из вагона. Перед выходом я уронила гребешок – мы его вместе искали, но нашел и подобрал его Борис. Когда мы вышли в поле, он сорвал целый куст колючей травы и, смеясь, подал его мне. Куст я выбросила, и сорвала красивый цветочек. В дороге я стояла на подножке, а он высунулся из окна, и мы разговаривали, пока проводник меня не прогнал в вагон. От вокзала, куда мы приехали в час ночи, он донес мою коробку до того места, где я поворачиваю к дому. Когда я брала у него коробку, Борис спросил, где он сможет меня увидеть. Я назначила свидание в Ленинском парке возле памятника в 7 часов.

Целый день я валяла дурака, а вечером, как условились, пошла на свидание. Только я пришла и села, как явился Борис. В Ленинском играла музыка, мы сидели в большой аллее, со стороны рабфака. Проходящие знакомые девчонки смотрели на нас, как будто никогда людей не видели. В полдевятого пошли в «Баян», смотрели фильм «Саламбо» из древней жизни. В половине одиннадцатого вернулись в Ленинский; посидев немного, пока музыка не кончилась, пошли домой, причем шли рука об руку. Мне это было непривычно. Подошли к парадному. Постояв минут пять, я вскочила на порог и вошла к дом, назначив свидание на 28 07.

В этот день утром я написала письмо Яшке. Начало было дерзким, ну а дальше - полегче. Бросив письмо в ящик, я вместе с Аней пошла на свидание, почему-то немного побаиваясь встречи после того, что было позавчера в кино. Когда мы пришли, Борис уже нас ждал. Он был со своим приятелем Сеней. Посидев два часа в парке, мы пошли в Горсад (билеты нам купил Борис): там было лучше, чем в Ленпарке. Потом мы пошли в кино и посмотрели не очень интересный фильм «Зелимхан». По окончании фильма мы с Аней просили нас не провожать, но они нас не послушались, и мы возвращались парочками: я об руку с Борисом, а Аня – с Сеней. Борис попросил у меня фотокарточку, но я ему отказала.

Я написала письмо Яше, и теперь с нетерпением жду ответа. Обратный адрес написала не свой, а Ани. Аня передаст письмо мне. Если бы он мне написал, я была бы на седьмом небе от счастья!

...С 1 августа начинаются чертежные курсы, что очень здорово – ведь я уже соскучилась по Шуру Сотникову. Между прочим, Шура из Архангельска, он учится там в ВУЗ'е, - уедет, - будем переписываться. Узнав, что я собираю открытки, он пообещал их часто мне присылать. Он собирается приехать зимой.

...Сейчас 9 часов, погодка, как у нас говорят, «на красоту»! Как я хотела бы сейчас оказаться в Балаклаве, на той скале, где я была с Яшей! Неужели он не напишет? Если бы у нас завязалась переписка, я бы сделала для него исключение, и послала бы ему свою фотокарточку. Если бы он знал, как много я о нем думаю, сколько о нем пишу, - ведь он герой второй книги моего дневника, а героем первой книги является Шурка.

...Как только я увижу моряка, то мои глаза впиваются в него, и тогда я не вижу никого, и ничего не слышу. Шурка это заметил, и как увидит кого-нибудь в белом, так говорит: «Тоня, вон моряк идет».

...Когда мы сидели с ним в кино, он сказал: «Я хочу видеть тебя одну. Без Ани». Ишь какой ушлый! А я – не хочу!»

В первый раз я попал в Симферополь в 1948 году, мне было девять лет. Думаю, что тогда он мало отличался от города, в котором писался этот дневник.

Большая часть городских улиц представляют собой зеленые коридоры – так плотно закрывают небо своды из ветвей больших деревьев. По обеим их сторонам – заборы, за ними - одноэтажные дома. Улицы не асфальтированы. Исключение составляют несколько центральных улиц, среди которых главная – Дворянская (ул. Ленина). Она застроена одно - двухэтажными каменными, дореволюционной постройки, домами. В них расположены магазины, гостиницы, парикмахерские; над витринами – полотняные навесы («маркизы»), придающие улице курортный вид. Автомобили редки, преобладают конные повозки с низкорослыми лошадами, опустившими морды в подвешенные к дугам торбы с овсом. Облик людей мне не запомнился: немногочисленные абстрактные прохожие. Осталось только впечатление отсутствия суеты: жизнь течет плавно и неспешно.

«Я прямо не знаю, что со мной творится, я себя совершенно не понимаю. Мне ужасно скучно и грустно.

Однажды я откуда-то выписала: «Человек, которому никто не нравится, гораздо несчастнее того, который сам никому не нравится». Раньше мне нравился Жора, теперь же, когда я узнала его ближе, он мне уже не так нравится. То же и с Борькой.

...Читаю газету «Правда»; с сентября думаю выписывать журнал «Наука и техника» - он популярный и интересный».

А больше, наверное, читать было нечего.

«По окончании курсов встретила Аню с Сеней. В «Баяне» смотрели кинокомедию «Обезьяний театр» с новым комиком – Сидом Чаплином. Комедия ужасно смешная: я хохотала до упаду.

Я пришла домой и пошла спать во двор. Как хорошо: свежо, погода чудная...Луна, величественная и застывшая, и мириады звезд, так таинственно смотрящих с высоты. Веет слабенький ветерок...Чудесно! Засыпаю; в 6 утра меня будит солнышко, пришедшее на смену Луне».

Меня в Симферополе на вокзале встретила старшая сестра матери, тетя Маня. Она повела меня в дом, где был написан этот дневник. Одноэтажный дом располагался на краю обширного пустыря, недалеко от вокзала. Тетя Маня занимала в нем лишь одну небольшую комнату (уплотнили). Окно закрывалось изнутри ставнем, который складывался гармошкой. На стене висела перевязанная бантом гитара. Тетя Маня заметно нервничала и очень суетилась.

«Вчера читала книгу «Фабрика Рабле» Михаила Чумандрина, посвященную Юрию Либединскому. Книга интересная, в ней изображена жизнь и деятельность

партийцев, и ясно вырисовывается НЭП. Эта книга ничего не скрывает. Здесь описываются партийцы, бывшие герои, которые теперь разложились. На фронтах гражданской («Во время драки и старуха сильна») они были на высоте, а вот бороться с буржуями, восстанавливая хозяйство, не смогли – кишка тонка оказалась.

Представляю, какая дрянь эта книга! Выполнение идеологического заказа на дискредитацию Нэпа. Тем не менее, родители приносили слова «во время Нэпа» мечтательно, с придыханием.

«Позавчера смотрела картину «Страх» со своим любимчиком Густавом, но он там нехороший, в «Одиннадцати чертях» и «Зеленом переулке» он мне понравился гораздо больше, - многое зависит от роли, в которой играет актер».

«Только что вернулась из кино: смотрела «Бэлу». Фильм мне понравился; артистка, игравшая Бэлу, просто бесподобная. Печорин тоже хорошенький, но он герой не моего романа».

Фильмов начала тридцатых годов я видел мало. Когда-то, очень давно, смотрел «Путевку в жизнь». Впечатление осталось весьма смутное. Лучшие знаю «Броненосец Потемкин». Но фильмы этой эпохи меня не волнуют. Они воспринимаются как часть истории кинематографа - для меня это музейные объекты. Я не могу мысленно перенестись в кинотеатр «Баян».

«Сегодня, когда я шла домой, то вдруг почувствовала огромную пустоту, мне показалось, что я совершенно одна. Я часто задаюсь вопросом: вдруг я буду несчастливой? А потом думаю: романы иногда хорошо кончаются. Может, и мне повезет».

Экзистенциальная тоска была свойственна всем эпохам. От нее не защищен ни один человеческий возраст.

«Нужно мне взяться за голову – на курсах валяю дурака, чертить не хочется, дома тоже не могу себя заставить что-нибудь сделать. Завтра обязательно сошью платочки».

Мы рождаемся с чувством вины – никуда от него не деться.

«Дивные вещи
                                творятся в мире!
Стали считать мы
                                и просто, и метко.
Дважды два –
                                Безусловно четыре
Значит:
                                дважды два –
  пяtilетка»

А Безыменский Арифметика революции

Длинное стихотворение выписано аккуратным почерком. Привожу лишь небольшой фрагмент этого бреда сивой кобылы. Но девичьи мозги промыты так основательно, что пошлая галиматья воспринимается, как откровение.

«Сегодняшний день замечателен тем, что не так много хандрила, что была весела, и сквозь веселость не смогла пролезть мрачная сторона жизни.

Так нет же – стоит войти в наш проклятый дом, и чудное настроение сразу испаряется. Ага! Я понимаю, в чем тут дело, - я тоскую по любви, мне хочется в кого-нибудь влюбиться!»

На заказ это не получается. Зато когда придет беда – отворяй ворота.

«Хорошая новость: я подписалась на журнал «Наука и техника». В первый раз в жизни я самостоятельно выписала себе журнал! Еще очень хочется подписаться на «Правду». Для этого нужно раздобыть денег. Подписка стоит 3 р. 70 к. за месяц.

К этому времени Булгаков уже высказался в «Собачьем сердце» о том, что не надо читать «Правду», так как там ничего, кроме чепухи, не пишут, но правоверной комсомолке такие произведения были, конечно, неизвестны.

«Я не могу равнодушно смотреть на краснофлотцев, и мне ужасно жалко, что с Яшкой вышло так нескладно. Хорошо бы его все-таки разыскать!»

«Море! Прекрасное море
О! Зачем тебя я так крепко люблю
Ты все манишь и манишь меня
К берегам, так волшебно красивым.

Видно, долго придется ждать. Чтобы моя любовь перешла от моря к человеку. Люди мне надоедают, а море – никогда!»

Море тоже кажется привлекательным, когда смотришь на него со стороны.

«Самая моя большая радость – открытки. Сейчас их у меня 50 штук: 26 видов Крыма, 10 – фото артистов, 5 – Музей Изыщных Искусств, 7 – Третьяковская галерея. Третьяковку хочу приобрести полностью. Когда-нибудь открыток будет 250 штук и больше – ведь на открытки я трачу все свои деньги».

Мать в первый раз сводила меня в Третьяковскую галерею, когда мне было пять лет. Подошла к картинам Куинджи, и любовалась ими очень долго. «Ты только посмотри» – тормозила она меня.

«Сегодня мне Сима (старшая сестра) сообщила, что Митя женат, а ведь он мне очень нравился, у него глаза очень красивые. Ах, какой он славненький, цвет лица, брови, ресницы длинные и густые, одним словом, он великолепен, можно влюбиться. Надо же, женат! Ну почему мне не понравился кто-нибудь другой? Мне просто ужасно не везет!»

Не в бровях счастье, и уж точно не в ресницах!

«Пора спать. Слышу, как колеса об рельсы стучат; поезд или пришел из Севастополя, или отправился в Севастополь. Скоро и я помчусь в поезде, только в Москву, а еще лучше – в Ленинград».

«Я пробыла 5 дней в Севастополе, таких поездок не забывают! Я познакомилась с двумя краснофлотцами. Один с 35 батареи, другой – с корабля «Червона Украина». Шура

очень славный. Шура – вообще мое любимое имя. Он меня провожал, мы с ним поговорили наедине. Мне кажется, я пользуюсь взаимностью с его стороны, я с удовольствием называла бы его Шуриком. Второй краснофлотец мне почти не нравится, я его держу про запас. У меня есть его письмо: он написал, что я ему понравилась с первого взгляда».

В Севастополь я попал в 1960 году, до этого он был закрытым городом. Взору предстала окруженная крутыми склонами глубокая бухта, заставленная серыми военными кораблями. Залив тоже был полон кораблей. Они не только серыми громадами стояли на рейде, - все берега были завалены корабельными корпусами, которые разрезали на части, чтобы отправить в переплавку. Проходило масштабное хрущевское сокращение ВМФ. Хотя город, разрушенный во время войны, к тому времени был восстановлен – Графская пристань, белые, взбирающиеся на гору домики – все было на месте, мне кажется, что мать в тридцатом видела несколько другой город.

А в Балаклаву не попал - она по-прежнему оставалась закрытой.

«Сегодня выпал первый снег; и удивительное совпадение, - в прошлом году снег выпал в тот же день - 19, но не ноября, а декабря. В прошлом году при виде снега я радовалась, как дитя. Не то сейчас – смотрю на снег хладнокровно. Чувствую, что сильно повзрослела. Сегодня сижу дома. В школе проводят перепись населения; всех учеников мобилизовали. Я же не хожу – у меня нет туфель.

Сегодня мне снились тяжелые сны. Сначала мне снилось, что М хотел меня насильно поцеловать в нашем доме, причем Сима этому способствовала. Она сказала: «Увлекла человека, позволила за собой ухаживать, а поцеловать не даешь!» Я во сне плакала и кричала, вырываясь из рук М.

Второй сон тоже неприятный. Захожу я в Беркову церковь, а там мама рыдает на всю церковь. Дело было под Пасху, мама плакала из-за того, что распяли Иисуса Христа. Рядом с мамой на коленях стоял Костандо, он на нее смотрел с большим сочувствием».

Фрейда тогда еще не читали, а в сонник – уже не смотрели: толкования сновидений нет. Интересно, что мать, выросшая в патриархальной, истово религиозной семье, была абсолютной атеисткой.

«8.12.30 Сегодня приснился Шура. Сон был очень приятным, не хотелось просыпаться. Со многими я была знакома, но никто из них не оставил следа в моем сердце. Видно, буду я несчастна от того, что люблю того, кто меня не любит.

О, Шура, Шура, зачем я тебя встретила!

Вот, сейчас веду переписку с краснофлотцем из Севастополя, знакомым с «Франца Меринга», но это – только от скуки. А нужен мне только Шура Сотников. Если бы он заболел, я бы не отходила от его кровати – жизнь бы за него положила»¹.

«20.01.31 Утром ходила на субботник. Там было интересно. Сегодня был вечер, на котором меня провели в комсомол».

А вот я, когда меня приняли в комсомол, нисколько не радовался. И на субботники ходил без всякого интереса.

«23.01.31 С некоторого времени я стала замечать за собой: случись хорошая погода, и я начинаю мечтать – вот бы сейчас погулять с товарищем, который к тебе с

---

¹ Позже карандашом сделана приписка: «Кто молод не бывал, тот глуп не бывал!».

любовью относится, и ты отвечаешь ему взаимностью. Но мне почему-то кажется, что случится это в Москве, что вообще Москва сыграет в моей жизни огромную роль.

Так и получилось: через два года она встретит моего отца, с которым проживет всю жизнь.

«5.02.31 Сегодня один из тех дней, когда повседневную скуку и противную тьму вдруг озаряет луч света. Я в библиотеке писала сочинение по обвинительной речи против Раскольникова из «Преступления и наказания». Сочинение было почти закончено. Когда обернулась, то увидела в дверях Шурку. Он ко мне подошел, поздоровался. Как хотелось с ним поговорить, но в библиотеке разговаривать нельзя.

При встрече с ним мной овладевает внутреннее волнение, подчас боязливое, но очень трогательное. После каждой встречи с ним я становлюсь веселой и жизнерадостной, у меня появляется интерес к жизни – не то, что обычно. Да, молодость наша пропадает во цвете лет!»

В тридцатых годах, в отличие от моих ученических лет, в школьную программу, оказывается, входил Достоевский. Теперь мне понятно, почему мать приложила столько усилий, чтобы где-то добыть крайне дефицитную подписку на первое послевоенное собрание его сочинений. Я тогда учился в университете. Заглянул в первый том, и не смог оторваться, пока, отчаянно прогуливая лекции, не прочел все.

« 16.03 31 Недавно увидела одного чудика, и мне показалось, что это – ШУРКА. Я сразу смутилась и покраснела...»

«4.04.31 Я окончила школу, получила среднее образование; теперь – работать! Это очень кстати – школа за последнее время мне здорово надоела. Теперь я свободный человек».

Передо мной – коллективная выпускная фотография. «Класс 9/2». Очень приличные на вид преподаватели, очевидно, из «бывших». Много красивых юношей и девушек. Еще не погиб русский народ! В центре выделяется девушка с немного растрепанной прической. Выдвинув вперед плечо, девушка с вызовом смотрит в камеру. Нет, она не пропадет, вырастет, и станет настоящей бой-бабой! Это – Тосик, моя мама.

«В последнее время я подружилась с Илюшкой. Он удивляется, почему я ему не поддаюсь. Он рассказывает, что знал многих пацанок, но такие упрямые ему еще не встречались. Он все время пытается меня поцеловать. Но я не даю. Вчера клялся в любви ко мне, я же в ответ только смеялась. Он пытался меня побороть, но ему не удалось».

Молодец, с ними так и надо!

«Первого мая виделась с Шурой на ипподроме. Я его увидела, и улыбнулась невольно, он ответил улыбкой. Подошел, пожал нам руки. Немножко с нами постоял и ушел. А так хотелось с ним поговорить!

Вечером этого же дня ходила с Аней на станцию, где третья девятилетка провожала своих подшефных красноармейцев. Вдруг неожиданно появился Шурка. Я ему сказала, что собираюсь в Алупку. Он обещал приехать в гости. Разговаривая с нами, он кого-то все время искал глазами. Он сюда не ради нас пришел. Ему с нами было скучно, да и я была настроена меланхолично.

К морю, скорее к морю, где я всех забуду!
Я даже рада, что у меня нет привязанностей; так легче жить!».

Проницательность, удивительная для девочки 18 лет!

«22.05.31 Вчера вечером была великолепная погода. Я не могла сидеть дома, позвала Маню, и мы пошли в Ленпарк. Ветра нет, тихо стоят тополя, не шелохнется ни один листочек. Небо прекрасно – оно усыпано мириадами таинственных звезд. Как жаль, что я – не поэт, и не могу передать всей красоты открывающейся нам картины! В душе – да нет ее у нас – просто у себя внутри я чувствую прилив радости, когда вижу прекрасную природу. В такие минуты я хотела бы быть совсем одна, просто сидеть и молча любоваться».

Неважно, что не умеешь складывать стихи, в душе, которая на самом-то деле все-таки существует, ты – поэт.

«2 06 31 Наконец-то все решилось – меня направляют на работу в Алупку. Теперь больше нет места ноткам упадничества, которые у меня время от времени проскальзывали».

«Этот Колька сильный, как черт, из его объятий не вырвешься. Целовал меня, как безумец – поцелуи сильные и жгучие, он покусал мне губы, но ответного поцелуя от меня не дождался. На меня совсем не действуют их поцелуи, они мне безразличны.

Плохо, что я совсем не слежу за газетами. В Алупке выпишу журнал и газету. Буду следить за выполнением пятилетки, и ориентироваться на генеральную линию партии. Сейчас наша страна – великая стройка, а в нашем жалком Симферополе этого не чувствуется».

Хорошо там, где нас нет. А генеральная линия – она и в Африке генеральная.

«3.06.31 Чудное весеннее утро. Еще нет и семи. Сажу у окна, слушая, как щебечут птички. Воздух свеж и чист, небо – нежно-голубое, кое-где оно чуть покрыто светлыми облаками. Солнце своими лучами обнимает деревья, что в этом году зеленее обычного. Под ними сгустилась манящая тень. Но я хочу пойти сегодня в степь. Третьего дня мы ходили туда с Ваней и Толей, забрались далеко, бегали наперегонки по шелковой траве, принесли много цветов. Маки, ромашки, шиповник, множество синих, красных, лиловых цветов, названий которых я не знаю. Я к ним безжалостна, - нарвала огромный букет, какой только смогла унести, и поставила его дома».

Во второй раз я оказался в Симферополе вместе с родителями в возрасте тех же 17 лет. Выяснилось, что стоит от центра города пройти каких-нибудь минут 20, и ты – в голой степи. Мы прошли по степи до Симферопольского водохранилища; ярко светило солнце, и мы совершенно обгорели.

«Вчера просматривала журналы, обнаружила много для себя интересного. Например, в Сибири, на реке Курейке обнаружили месторождение графита, его хватит, чтобы заполнить весь мировой рынок. Как я радуюсь успехам нашей страны! Кажется, что непосредственно к тебе что-то ценное добавляется. И как огорчаешься, узнав об ошибках и неудачах, о наводнениях, землетрясениях, и других невзгодах».

«24.06.31 Вот уже 17 дней я живу и работаю на турбазе в Алупке. Здесь и погулять, и искупаться можно, красота!

В Алупке я в первый раз оказался с родителями в 1956 году. Мать всячески пыталась внушить мне восторженное отношение к этому городку. Да, конечно, море, скалы, олеандры, магнолии, кипарисы, Воронцовский дворец - на всем этом печать изобилия и роскоши. Но мне показалось, что всего этого на маленьком пространстве так много, что нарушается чувство меры – признак хорошего вкуса.

Сегодня у нас на базе побывал Шурик, пришедший в составе большой группы ребят. На обед они опоздали, но я накормила их хлебом, заказала ужин. Мы с Шуриком поговорили, потом пошли играть в волейбол. Шурик играет великолепно – бегаёт по всей площадке, способен поднять мяч почти от самой земли. Я с ним играла в одной команде.

Шура, наверное, поразился произошедшими со мной переменами. Во-первых, я стала смелее. Во-вторых, я стала лучше играть в волейбол. В-третьих, я заметно повзрослела.

P.S. Сегодня я отвела туристическую группу на пристань, хотя это и не входит в круг моих обязанностей.

В дальнейшем во время своих студенческих лет мать каждым летом будет для заработка работать экскурсоводом по южному берегу Крыма. От этого времени у нее на всю жизнь останется привычка говорить очень громко и отчетливо, и уверенный, командный стиль речи.

«Проснулась в пять утра; прекрасное утро, щебечут птицы, воздух напоен сладким очарованием. Ничто меня не тревожит – я свободна, и очень этому рада.

Днем меня, правда, немного угнетает присутствие Тамары. Да и то самую малость. Она – интеллигентка, занимающаяся пустяками, разводящая дискуссии по мелким и неинтересным вопросам».

Ясное дело, - все неприятности от этой ненужной прослойки - интеллигенции. Тем не менее, замуж она все-таки вышла за интеллигента в третьем поколении.

«Итак, в Алупку я прибыла вечером 7 июня, а уже восьмого была на дежурстве – выдавала талоны на питание и выписывала путевки.

Я присоединилась к группе, где экскурсоводом был Иранцев.

Когда мы вошли в Мисхор, Иранцев рассказал об истории здешних мест. Мисхор – имение Долгоруковых и одновременно крупный буржуазный курорт. К началу гражданской войны здесь пролетариата не было – население состояло из буржуазии и крестьян, из-за их пришибленности игравших подчиненную роль. Татарский националист Ибрагимов еще усугубил положение, раздав лучшие земли кулакам. Так что Деникин и Врангель здесь себя чувствовали, как рыба в воде.

Иранцев рассказал интересную легенду, с которой связан фонтан Арзы и русалка на берегу моря».

Мать, конечно, не написала, что ее отец симпатизировал белым, но мне она рассказывала, как вместе с отцом приходила на вокзал встречать Деникина – последнюю надежду тех, кто не хотел потерять Россию.

«26.06.31 Два часа ночи. Я, Тамара, и еще один чужак – турист из Ленинграда, только что вернулись с моря. Луна, бросавшая свой свет с высоты, сильный ветер, нагнавший сильный прибой - все создало замечательное настроение. Несмотря на большие волны и холодную воду, мы искупались. Только мы вышли из воды, как со стороны Мисхора показался, весь в огнях, большой пароход. После всего этого я

почувствовала радость и огромный прилив сил. Потом ветер усилился, засверкала молния, громко зашумели деревья, стало немного жутко, но настроение поднялось еще выше».

Мать всегда любила грозу. У нее начинали сверкать глаза, раздувались ноздри, расправлялись плечи, - она сама излучала энергию, как будто зарядившись атмосферным электричеством.

«Вчера в курзале был концерт.

В первом отделении выступал восточный этнографический ансамбль под управлением Ашота Аруста. В программе – бытовые и революционные песни Востока.

Потом Трофимовская (сопрано) исполнила несколько номеров из классического и современного репертуара.

После нее выступали крафт-акробаты братья Руденко; Долохова и Стоянов исполнили 3 танца.

Завершил концерт автор – рассказчик Искренев. Просто влюбилась в него - до того он чудный.

У рояля - А. Гурович.

Очень довольна».

А по-моему, так себе концерт.

«14 10.31 Уже третий день живу в Одессе. Город прекрасен: широкие улицы, красивые дома. Познакомилась с командиром Митей, дивный мальчик, он мне очень нравится. Он меня называет ребенком, «Тонюсиком», очень приятно это слышать именно от него. Вчера ходила с ним ужинать в военную столовую, сегодня собираемся в театр. Сейчас я его жду – мы собираемся погулять по городу. Сказал, что придет через час, но час прошел, а его все нет. Скучно без мужчин!»

В Одессе я был в 1989 году. Город, не похожий на любые другие города. Лестница Ришелье, порт со стоящим у пристани океанским лайнером, на котором на Мальте состоялся саммит Горбачев-Буш, Дерибасовская, замечательные дворики, пляж в Аркадии с набегающей на берег упругой волной, чистая прохладная морская вода (стоял ноябрь). Вернувшись, я поделился своими впечатлениями с матерью. Она молчала с таинственной полуулыбкой на оживившемся лице.

«11.11.? (1932 или 1933 г.) Давно, как давно я не брала в руки дневник, и как много накопилось того, что было бы нужно записать! Мрачное, как небо Ленинграда, настроение. Скука и одиночество. Видимо, я не способна к той жизни, какой живет пролетариат. У меня в душе царит пессимизм, значит – я не человек! Сегодня у меня был большой разговор с Олей (славная девушка, я с ней познакомилась в вечернем институте, когда там занималась), - так она чувствует то же, что и я. Пусто: жизнь меня не захватила, я не ощущаю энтузиазма, который охватил народные массы, я не причастна к большевистским темпам, о которых так много говорят и пишут. Отмечаю: у меня очень возвышенное представление о жизни, я ненавижу убогую официальщину – будущая жизнь мне всегда рисовалась красивой и интересной.

Цель жизни – а есть ли она у меня? Живя в Симферополе, мечтала о Москве. И вот я в столице – и ничего во мне от этого не изменилось. Работая, хандрила, мечтала поступить в институт. В борьбе преодолев трудности, поступила на вечернее отделение. Захотелось перейти на дневное. Сначала это мне не удавалось, потом, наконец, перешла. Но цель не оправдала своего назначения.

Все время пытаюсь ухватиться за нить, которая выведет меня к моей цели, но ее никак не нахожу.

Послезавтра поговорю с Шурой. Постараюсь ему все объяснить. Он меня совсем не понимает, что не удивительно: я и сама себя не понимаю.

В нашей комсомольской ячейке жизнь загнила и воняет, - все потому, что это не рабочая ячейка, а несчастного Моснарпита! Как хорошо, что я оттуда ушла.

Ясно одно: мне надо учиться и учиться, иначе никакой жизни не будет.

Прошло каких-нибудь два года с момента начала дневника, и за это время глупенькая девочка превратилась во взрослого, не простого человека. Пройдет шесть лет, и она станет моей матерью. Но уже в приведенных здесь строках характер моей матери вполне узнаваем. Более того, с поправками на время и возраст, ее натуру я чувствую в глубине себя.

Велика тайна человеческого существа!

Эпилог

Когда вышел фильм Алексея Германа – старшего «Мой друг Иван Лапшин», я сразу повел родителей в кино. По окончании сеанса я подошел к матери. «Ну как, это похоже на время твоей юности?» Мрачно глядя в землю, мать сказала: «Похоже. Настолько похоже, что лучше бы я этого фильма не видела».

Это был приговор, вынесенный эпохе тридцатых ее дочерью, которая в юношеские годы жила в полном согласии со своим временем, но, по мере обретения зрелости постепенно прозревала его скрывавшиеся за фальшивым фасадом истинное уродство и глубокую лживость.

Февраль 2013 г.

Nel mezza del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura
*Dante*¹

О.И. Сенатов

Последний день

Это случилось, когда от второй половины моей жизни остались сущие пустяки, и посмотреть-то не на что, только небрежно, с миной легкого презрения, отмахнуться. Незримая черта между прошлой и нынешней жизнью пролегла в тот момент, когда в телефонной трубке прозвучал спокойный, бесстрастный, голос, произнесший:

- Вам нужно собрать вещи, пройти на выход, и больше никогда сюда не возвращаться.

Мое увольнение стало для меня полной неожиданностью: момент этот я раньше себе представлял очень абстрактно - он терялся в дымке неопределенности. И хотя я прекрасно был осведомлен о положении дел на фирме, хотя сразу понял, что решение о моем увольнении принято моим непосредственным начальником, человеком мелким и невзрачным, значительность события придала ему смысл приговора судьбы. (Так ведь даже в истории целых народов судьбоносные сдвиги подчас происходят из нагромождения случайностей в результате корыстных поступков незначительных людей). Итак, моя карьера закончена. Теперь в моем распоряжении есть лишь пара часов, чтобы из запыленных останков прошлой жизни, хранящихся в ящиках моего стола, отобрать те, что я перенесу в маячащую на горизонте какую-то непонятную «новую жизнь».

Я подхожу к открытому окну. Оно выходит во внутренний двор. За окном солнечный июльский день. Окруженный приземистыми корпусами, внутренний двор просторен; большая его часть асфальтирована, но по обеим сторонам его пролегли широкие газоны, засаженные деревьями и декоративным кустарником. Перед входом в главный корпус – большая клумба с розами. Справа от окна растут две высокие ели; их лишенные веток стволы, гладкие и ровные, как колонны, не загораживают поле зрения. Слева от окна – тянущийся вдоль корпуса ряд взрослых яблонь, в кронах которых возятся вечно занятые какими-то своими делами вороны. Стены противоположного корпуса до высоты второго этажа закрыты окаймляющими их густыми зарослями сирени; ее листва вносит в облик двора умиротворяющую сельскую ноту. Период отпусков – поэтому двор безлюден, но в обычное время по нему во все стороны с бумагами в руках и озабоченностью на лицах снует наш народец. Здесь, у окна, - мой излюбленный наблюдательный пункт. Постояв здесь некоторое время, и

---

¹ Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу
Данте

проследив, кто, когда и куда направляется, можно составить представление о том, что сейчас происходит на предприятии, и я часто этим занимался; ведь кажущееся понимание текущей ситуации создает иллюзию, что ты ее знаешь, то есть отчасти уже как бы и контролируешь, а это приятная иллюзия. Поэтому мне всегда нравилось расположение моей комнаты, да и сама комната нравится, хотя, если посмотреть на нее, - ничего особенного.

Когда-то просторный, принадлежавший свергнутому начальнику кабинет, был разгорожен на несколько частей, и появилась эта узкая и длинная комната. Из-за ее непропорциональных размеров низкий потолок кажется нависающим над самой головой, - она похожа на пенал. Вдоль правой стены стоят несколько письменных столов, над ними к ее поверхности, выкрашенной светло-зеленой краской, местами облупившейся, прикреплены скотчем репродукции трех картин: Малевич, Кандинский и Макке. Мой стол стоит у окна. На нем – компьютер и несколько папок с бумагами. На других столах пылятся детали когда-то вскрытых для анализа приборов, лежат стопки книг и тетрадей, здесь же – кипятильник, чашки, коробки с сахаром, кофе и чаем. По левую сторону громоздятся стеллажи, заполненные книгами, специальными журналами, комплектами чертежей, и другой документацией. Повсюду расставлены стулья, попавшие сюда в разное время, и представляющие все разнообразие стилей минувшей эпохи. На полу – потертый линолеум, положенный лет эдак сорок тому назад. Комната смотрит на меня угрюмо и ворчливо, но я к ней привык, как к близкому родственнику, привык ко всем ее недостаткам, даже к зимнему холоду. Зимой батареи едва теплятся, и температура редко добирается аж до двенадцати градусов. Зато никто, кроме меня, из-за холода здесь жить не соглашался, и я здесь находился в полном одиночестве, - что может быть лучше?

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Специфика моей деятельности такова, что большая часть рабочего времени проходила в производственных помещениях, огромных залах, наполненных гулом непрерывно работающего оборудования. В таких, как эта, комнатах, предназначенных для «белых воротничков», занимаются бумажной работой – расчетами, обработкой результатов измерений, и разного рода управленческой деятельностью. Для меня комната эта – моя берлога - была самым важным на предприятии местом. Здесь, набегавшись по разным участкам, я замыкался, чтобы собраться с мыслями - обдумать как большие, так и сонмы мелких проблем. Здесь мною принимались решения, иногда правильные, но, бывало, и ошибочные. Сюда я, как в нору, забирался, чтобы в одиночестве пережить горечь неудач и обид, чтобы никто не видел моего лица, когда я зализывал раны, здесь мне удавалось восстановить самообладание. Но случались здесь и редкие минуты радости, переживания удачи, торжества одержанной маленькой победы, когда кажется, что ты еще сможешь добиться многого. Тихо обступила меня комната, в знак участия и соболезнования опустив очи долу...

Вспоминается, как здесь же отмечался мой последний юбилей. Столы я тогда сдвинул вместе, чтобы получился один большой стол, принес из цеха две лавки, натащил стульев от соседей, - все приглашенные едва разместились, но теснота празднику не помешала. Пришли многие из коллег – разработчиков. Пришел Маркин, заместитель директора, подарил дорогой коньяк в картонной упаковке. Напитков я заготовил в избытке, так, что вскоре стало весело и шумно. Временами то там, то сям вспыхивал оживленный разговор, звучали шутки, смех. Я был в ударе: держался непринужденно, сам выполнял обязанности тамады, предваряя каждую застольную речь звоном импровизированного колокольчика, причем половину этих выступлений были мои. В шуточной форме я рассказывал о своей биографии, в завуалированной форме делая комплименты фирме и, по возможности, присутствующим. По возможности, так, как здесь, кроме Науменко и Кригеля, все были моложе меня, а интереснее всего на таких пирушках вспоминать о временах самых отдаленных, например, о том, как я впервые появился на предприятии. В одном из спичей я рассказал, как по окончании университета мне светило угодить по распределению либо в Мурманск офицером на атомную подводную лодку, либо инженером на Кунцевский завод. Ни то, ни другое меня не устраивало, и я пришел за помощью к куратору курса, доценту Иванову, который сказал, что у него есть заявка от недавно образованного и расположенного на Северо-западе Москвы НИИ, о котором ему ничего, кроме расплывчато обозначенной тематики, не известно. Оформив направление, я отправился туда в тот же день. В дороге, по обнаруженной в университетском киоске и тут же купленной книге, я впопыхах знакомился со своей будущей профессией. После часа езды автобус выехал на заснеженное поле. Это сейчас здесь все вокруг застроено, тогда же на многие километры тянулись одни пустыри. Автобус остановился около большого приземистого здания. Приехали: конечная остановка. В кабинете начальника отдела кадров меня приняли с распростертыми объятиями - фирма набирала персонал. То, что я узнал из наспех просмотренной в автобусе книги, позволило выбрать одну из предложенных мне специализаций, и я не изменил ей до сих пор. «Так повелела судьба!» с пафосом закончил я, и произнес тост за процветание фирмы. Гости же в основном говорили обо мне. За два часа я узнал о себе много такого, о чем даже и не подозревал. Комплименты в мой адрес соответствовали известному правилу: о юбиляре – только хорошее, или ничего. Но кто знает? Может быть, некоторые из речей были искренними. Мне же тогда казалось, что собравшимся обществом я принят, оценен и уважаем, что я в нем свой.

С тех пор прошло несколько лет, но и сейчас, подавшись настроению, я могу вызвать здесь образы моих коллег, оживленный гомон их голосов и разнообразные звуки пиршества: звон бокалов и столовых приборов, хлопки пробок, и т. п. И эта память тоже привязана к моей комнате, принадлежит ей.

Итак: образ моей комнаты - вот первое, что надо взять с собой.

Теперь вещи. Монитор выключенного компьютера, как закрытое окно, смотрит безучастно. Несмотря на многолетний тет-а-тет, расстаюсь с ним без сантиментов. Эта вещь бездушна. Другое дело книги. Некоторые из них пришли сюда еще со студенческих времен. Многие, как, например, это «Введение в радиофизику», от частого употребления сильно растрепаны. Они самые любимые. Кажется, что переплет каждой из собранных здесь книг, как человеческое лицо, несет какое-то только ему присущее выражение: одни выглядят, как дурашливые разгильдяи, другие строго назидательны, третьи изысканно высокомерны. Но все они – мои большие и бескорыстные друзья. Какую-нибудь из них ты можешь куда-нибудь засунуть и забыть на долгие годы, но вот возникает некая проблема, ты пускаешься в поиски, с облегчением ее находишь, и она тебе всем, что имеет, оказывает свою скромную помощь. Нет, все книги надо взять с собой. Личная библиотека, составленная из книг, которые ты когда-либо целенаправленно читал или даже всего лишь просматривал – это в своей совокупности - как бы внешний отдел твоего головного мозга, и они должны быть там же, где и ты.

С архивом сложнее. В эти папки в хронологическом порядке складывались черновики и копии документов, служебные записки, графики, планы, проспекты выставок, приглажительные билеты на конференции, характеристики на подчиненных, написанные мною адреса по случаям юбилеев сослуживцев, коллективные фотографии, отчеты о командировках, эскизы деталей, приказы директора, и прочее, и прочее. Пользуясь этим архивом, досужий историк смог бы написать полную историю моей служебной деятельности. На меня эти пачки пожелтевшей бумаги навевают тоску. Те из них, что относятся к первым годам работы, я вообще не просматриваю: я не люблю себя молодого. Упертый, мнительный, болезненно самолюбивый, и притом еще неопытный молодой человек, склонный быстро переходить от экзальтации к унынию – не очень - то лестный психологический портрет. Из того времени мне вспоминается один эпизод.

Две девицы несут по коридору большую оплетенную бутылку с реактивом. В нескольких шагах впереди них иду я. «Попросим помочь?» - говорит первая, кивнув в мою сторону. «Не надо, он противный», - отвечает вторая.

Мне больше импонирует зрелый период, когда, обретя определенный социальный статус, немалый опыт, навыки обращения с людьми, и выработав свой индивидуальный стиль в работе и жизни, я стал руководителем крупной темы, (называлась она «Скарабей»). Делалась она мучительно, заняла гораздо больше времени, чем планировалось, но была закончена с очень хорошими результатами. Ее триумфальное завершение стало вершиной моей карьеры. Толстая куча оставшихся от тех времен бумаг отражает все перипетии того периода – грандиозные планы, катастрофические провалы, редкие удачи – всю ткань повседневной жизни, состоящей из густой тесно переплетенной сети человеческих

взаимоотношений, которая только сама и может составить свой собственный смысл. Большая группа тщательно отобранных, идеально друг друга дополнявших людей, которые были к тебе повернуты своею лучшею стороной, и с которыми ты постоянно взаимодействовал, – вот что было главным в том, героическом периоде твоей жизни.

Достаю фотографию рабочей группы «Скарабея», сделанную для доски почета. Шестнадцать пар спокойно смотрящих на тебя глаз. Как будто это было только вчера. На переднем плане сидят женщины. Спокоен и тверд взгляд Вали, она - мой заместитель, моя правая рука. Характер у нее сильный и прямой, она умна и скрытна. Рядом сидит Людмила Прокофьевна, - пальца ей в рот не клади. На ее счету несколько грандиозных, на весь институт, скандалов. Лицо худое и морщинистое, соответствующее возрасту, но глаза молодые, взгляд лучится энергией, задором и затаенной чертовщинкой. Ведущий технолог Наталья Марковна – «сестра – хозяйка» разработки - красива, спокойна и безмятежна. Нина Васильевна, разработчик коллектора, в своем стародевстве резкая и язвительная, здесь выглядит умиротворенной. Во втором ряду стоит мужской состав. Ведущий конструктор Константинов – неисправимый идеалист, а в работе – перфекционист, смотрит в объектив как-то обреченно. Я всегда испытывал угрызения совести, когда был вынужден уродовать его красивые конструктивные решения в пользу технологичности. Рядом с деловым видом стоит технолог сборки Власенко, по прозвищу Пиночет. Справа от меня Толя Буров, ответственный за испытания. Прекрасный специалист, умница и хороший, но отягощенный рессантиментом человек. У него тяжелый, неуживчивый характер, это заметно даже на фотографии. Слева от меня возвышается Николай Егорович Иванцов – «Егорыч», разработчик редуктора. Это энергичный сангвиник с легким и отзывчивым характером, шутник и балагур. Ни в работе, ни в жизни такие люди не подведут. В третьем ряду с каким-то отрешенным взглядом скромно стоит Галкин – он был моим первым дипломником. Здесь же Жора Кашин, вывезший на себе всю программу испытаний. Глаза его скрыты за темными очками. Взгляды нескольких здесь же стоящих рабочих или непроницаемы, или выражают честность, смешанную с хитрецей. В центре композиции стою я. Подбородок задран, грудь выпячена как бы в желании казаться выше, глаза полузакрыты (наверное, я не вовремя моргнул) - «жмурик», да и только! Не очень-то удачно я получился, но я здесь – главный. Казалось бы, все функции разработки распределены между самостоятельными специалистами высшей квалификации, и мне вроде бы нечего делать. Но это не так: я отвечаю за все принятые решения и за их последствия. Все провалы, все, что не получилось, немедленно стекается ко мне, и навешивается на меня, как на вбитый в стену гвоздь. Дальше – мучительный процесс по расшифровке ребусов, которые подкинул ход разработки. Но природа равнодушна, она, в отличие от людей, не злонамеренна, и разгадыванию своих загадок не противится. Все технические проблемы рано

или поздно находили решение. Если подсчитать, на «Скарабее» я разгадал не меньше тридцати загадок.

Теперь от той жизни осталась только фотография. Иных из этих людей уж нет, другие рассеялись. Кроме этой фотографии, из пропавших пылью папок – праха давно ушедшей жизни – взять с собой нечего. Разве что еще вот этот парадный фотопортрет (тоже с доски почета). На нем изображен красивый мужчина лет сорока с густой шевелюрой, гладким, без морщин, лицом, с умным, целеустремленным, даже жестким взглядом. Какое отношение этот человек имеет ко мне нынешнему? Себя теперешнего, противного сморщенного старика, я в нем не узнаю, но, как сувенир, фотографию возьму.

Перехожу к напластованиям последнего периода, в течение которого то скачками, то постепенно, но неуклонно уменьшались мои роль и влияние в коллективе. Теперь у меня маленькая, периферийная работа, уже почти завершенная. Но это – современность, она живет и дышит: дополнения к технологической документации; программа освоения производства; технологические пробы; протоколы анализа брака... Здесь все актуально, но теперь это уже не моя забота, - завтра всем этим будет заниматься кто-то другой. То же с рабочим журналом. Хотя в нем осталось полсотни чистых листов, после записи, сделанной еще вчера, в журнале, как в дневнике покойника, больше уже ничего не появится. Несколько лет назад, начиная этот, очередной том журнала, я в шутку написал на форзаце: «Последний». Дошутился: получилось, в самом деле последний. Все, в нем записанное, - результаты экспериментов, мысли по случаю, планы, намерения, схемы, наброски, - жестко привязано к месту действия, и больше мне не понадобится. Журнал я оставлю здесь.

Просматриваю другие папки. Вот солидная пачка авторских свидетельств – в прошлом предмет моей гордости. Часть из них внедрены в «Скарабее», другие же нигде не использовались. Но где теперь «Скарабей»? От него только и осталось, что экспонат в музее истории фирмы. Кроме того, авторские свидетельства уже не имеют юридической силы. Так зачем они мне нужны? Разве что кому – то сказать: «Были когда – то и мы рысаками», но показывать их некому. Авторские оттиски своих статей в технических журналах я, пожалуй, заберу с собой: я всегда был их единственным читателем.

Остались бытовые предметы. Замызганную чашку, из которой я пил чай и кофе, я брать с собой не буду, но бутылку коньяка, подаренную замом директора, вынимаю из сейфа и забираю с собой. Держал я ее на случай «отвальной», на последний день, но сейчас у меня нет настроения устраивать свои поминки.

Осталось сложить вещи и уйти. Это, главным образом, книги. Однако, зачем мне нужна эта груда книг? Все это специальная литература которой я пользовался в работе, причем всегда в силу необходимости, когда припирали обстоятельства. Теперь все кончено: взывавшие ко мне вопросы, ответы на которые я искал в книгах, остались по ту сторону разрыва,

рассекшего мою жизнь. В нынешней жизни они превратятся для меня в ненужный хлам. Так же, как и профессиональные знания, навыки и весь опыт специалиста. Только теперь до меня, наконец, дошла та горькая истина, что жизнь необратимо изменилась; две трети ее навсегда ампутированы, и заменить их нечем: старый организм едва ли способен к регенерации. Меня удивила «неслыханная простота»², предельная будничность формы, в которую отлился самый, может быть, значительный момент моей жизни. Сколько раз за последнее время с любопытством, смешанным с затаенным страхом, я представлял себе этот последний день в торжественном и трагическом облики! Но вышло все просто и обыденно. Так же, наверное, и смерть придет. Готовишься к ней всю жизнь, то ждешь, то боишься, а окажется, что все очень банально: был человеком, а превратился в труп.

Итак, я ухожу налегке. Еще раз окидываю взглядом свою комнату. Низкое, темное, мрачное, неудобное помещение. Ничего от потерянного рая. Наблюдаемая из-за разделительной черты, превратившейся в пропасть, прошлая жизнь, умерев, забрала все краски и все значение, из того, что пронизывала. И люди – не исключение. В моем сознании образы сослуживцев, как-то сразу отдалившись, поблекли; - те, кого я считал своими коллегами, товарищами, или врагами, уже через полгода едва ли вспомнят обо мне. Обижаться было бы глупо: ты исчезнешь, как если бы умер, а к смерти любого человека оставшиеся привыкают очень быстро. Не испытывая никаких эмоций, и не оглядываясь, захопываю за собой дверь. Выхожу сначала в пустой темный коридор, затем во двор. От стены здания отделяется женская фигура. Это начальница охраны. Она идет рядом, сопровождая меня до проходной.

«Как Харон», подумал я.

---

² Б. Пастернак